



Nikolai Gogol

**THE COAT
ЩИНЕЛЬ**

Николай Гоголь

**LANGUAGE THROUGH READING
ЯЗЫК ПОСРЕДСТВОМ ЧТЕНИЯ**



Nikolai Gogol

**THE COAT
ЩИНЕЛЬ**

Николай Гоголь

LANGUAGE THROUGH READING

ЯЗЫК ПОСРЕДСТВОМ ЧТЕНИЯ



Stanitsa
Publishers
Kiev
2022

УДК 821.161.1
ББК 84.(2)
Г 58

Художник **Оксана Злор**

STANITSA-KIEV Ltd
160-a/87, Kharkovskoye shosse
Kiev, Ukraine 02091

e-mail: spt2109@gmail.com
www.stanitsa-kiev.com

ISBN 978-5-8218-0032-3 (series)
ISBN 978-5-8218-0034-X

Copyright © 2022 Translation. Enya Lennon, Yuri Goroulko-Shestopalov
Copyright © 2022 Cover and Interior Design. Stanitsa-Kiev Ltd

All rights reserved.

Nikolai Gogol

THE COAT ЩИНЕЛЬ

Николай Гоголь

**Translated by
Enya Lennon and
Yuri Goroulko-Shestopalov**



ISBN 978-5-8218-0032-3 (серия)
ISBN 978-5-8218-0034-X

© Перевод, Эня Леннон,
Юрий Горюлько-Шестопалов, 2022
© Составление, художественное оформление,
Т.о.о. Станица-Киев, 2022

В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своём оскорблённым всё общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идёт дело, мы назовём *одним департаментом*. Итак, в *одном департаменте* служил *один чиновник*; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, ни-

In the department of... but it is better not to name the department. There is nothing more irritable than all manner of departments, regiments, courts of justice, and, in short, every branch of public service. Each aggrieved individual nowadays believes all of society to be insulted along with them. Quite recently a complaint was received from a district chief of police, I cannot remember of what town, in which he plainly stated that all the imperial institutions were going to the dogs, and that his own blessed name was decidedly being taken in vain. And, as proof, he appended to the complaint a most enormous piece of romantic literature in which the district chief of police appears on about every tenth page, and sometimes even completely drunk. Therefore, in order to avoid any unpleasantness, it will definitely be better to refer to the department in question only as *a certain department*. So, in *a certain department* there was *a certain official*. Not a very remarkable one, it must be said: short in stature,

зенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк и цветом лица, что называется, геморроидальным... Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и даже шурин и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, перемежая только раза три в год подмётки. Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как. Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребёнка. Матушка ещё лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в Сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина

slightly pockmarked, somewhat red-haired, a little short-sighted even, with a rather bald forehead, wrinkles on both cheeks, and a complexion of the kind known as sanguine... No help for it! the St. Petersburg climate was responsible for this. As for his official rank (for with us Russians official rank must be announced first of all), he was what is usually known as a perpetual titular councillor, at which, as is well known, some writers poke fun, and crack jokes to their hearts' content, upholding the time-honoured tradition of tormenting those who cannot defend themselves. The clerk's family name was Bashmachkin. It is clear from the name itself that at some point it derived from "bashmak", which means "shoe" but when, at what time, and in what manner it descended from "bashmak", none of this is known. Both his father and grandfather, and even his brother-in-law and indeed all the Bashmachkins always wore boots, which only had new soles thrice a year. His name was Akakiy Akakievich. This name may strike the reader as somewhat peculiar and whimsical, but they may rest assured that it was by no means chosen on a whim and that the circumstances were such that it would have been impossible to give him any other name, and this is precisely how it came about. Akakiy Akakievich was born, if my memory fails me not, late on the eve of the 23rd of March. His late mother, the wife of an official, and a very good woman, made all due arrangements for having the child baptised. She was lying on the bed opposite the door while the godfather, a most estimable man, Ivan Ivanovich Yeroshkin, who served as presiding officer of the senate, and the godmother, the

редких добродетелей, Арина Семёновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трёх, какое она хочет выбрать: Моккия, Сессия или назвать ребёнка во имя мученика Хоздазата. «Нет, — подумала покойница, — имена-то всё такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, — проговорила старуха, — какие всё имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы ещё Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Ещё переверотили страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошёл Акакий Акакиевич. Ребёнка окрестили, причём он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом произошло всё это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В депар-

wife of a neighbourhood officer and a woman of rare virtues, Arina Semyonovna Byelobryushkova, stood on her right. They offered the mother her choice of three names: Mokiya, Sessiya, or that the child be named after the martyr Khozdazat. “No,” thought the woman, “all those names are outlandish.” In order to please her they opened the calendar to another place. Three more names appeared: Triphiliy, Dula, and Varakhasiy. “What did I do to deserve this?” said the old woman. “What names! I truly never heard the like. It would be okay if Varadat or Baruch were there, but Triphiliy and Varakhasiy!” They turned to another page and found Pavsikakhiy and Vakhtisiy. “Well, now I see,” said the old woman, “that this is evidently his fate. And since this is the case, he’d better be named after his father. The father’s name was Akakiy, so let the son’s be Akakiy too.” This is how Akakiy Akakievich came about. The child was baptised, at which he wept and made such a face, as though he predicted that he was to become a titular councillor. So in this manner did it all happen. We have recounted all this so that the reader might see for themselves that it happened completely out of necessity, and that it was in no way possible to give him any other name. When and how he started at the department, and who appointed him, no one could recall. No matter how many directors and managers of all kinds changed, he was always to be seen in the same position, still in the same post as clerk, so that afterwards everyone was convinced that he must have been born completely ready-made, in a uniform and with a bald patch on his head. There was absolutely no respect shown to Akakiy